

Представления британцев о русском народе в XVI-XVII вв.

Автор: Т. В. Лабутина

Лабутина Татьяна Леонидовна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Англичане, побывавшие в допетровской России, интересовались не только страной, но и ее жителями. Первый из них - Ричард Ченслер - указывал на бедность русского народа и его неприхотливость к еде и жилищу. "От природы они (русские) привыкают к суровой жизни, как в отношении пищи, так и в отношении жилья, - свидетельствовал он. - Бедняков здесь неисчислимое количество и живут они самым жалким образом... По моему мнению, нет другого народа под солнцем, который вел бы такую суровую жизнь"¹. О тяжелом и подчиненном положении простолюдинов России упоминал также придворный врач царя Алексея Михайловича С. Коллинс. "Строгое соблюдение постов очень полезно в России, иначе бы государство скоро разорилось, - писал он, - потому что русские крестьяне находятся в совершенном рабстве, заботятся только о том, что наполняет желудок, а все, что они приобретают сверх ежедневных потребностей, отбирают помещики, или их управители"².

О положении простого народа в Московском государстве рассказывал также британский дипломат Джильс Флетчер. В своей книге он посвятил этому вопросу специальную главу "О простом или низшем классе народа в России". Англичанин указывал на бесправное положение простого люда, который не имеет "ни голоса, ни места на Соборе, или в высшем земском собрании, где утверждаются законы и публичные постановления, клонящиеся обыкновенно к угнетению простолюдинов, ибо остальные два класса, то есть дворянство и духовенство, которые имеют голос в таких собраниях,... довольствуются тем, чтобы все бремя лежало на простолюдинах, и что могут облегчить сами себя, сваливая все на них". Флетчер поражался, "до какого рабского состояния" унижены простолюдины не только по отношению к царю, но и к боярам, дворянам, главным чиновникам и всем военным. Его удивляло, что бедный мужик при встрече с кем-либо из знати "должен отвернуться, как бы ни смея смотреть ему в лицо, и пасть ниц, ударяя головою оземь, так точно, как он преклоняется пред изображениями своих святых". Угнетенное положение народа Флетчер усматривал также в отсутствии у него собствен-

стр. 13

ности. Земля, движимое имущество, другая собственность, все это принадлежит народу "только по названию" и совершенно "не ограждено от хищничества и грабежа" властей. В результате таких поборов народ вынужден бросать свои деревни и разбегаться по другим местам от "дурного обращения и насилий". Как то проезжая из Ярославля в Москву, Флетчеру довелось миновать 50 деревень, которые стояли совершенно безлюдными, так как были оставлены своими жителями. Лишенный каких-либо свобод и собственности, русский народ "предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания", и в конечном итоге "теряет всякую охоту к работе", заключал Флетчер³.

По всей видимости, положение простого народа мало изменилось к лучшему и спустя столетие. Во всяком случае, английский посланник У. Придо в середине XVII в. писал и о

произволе царя при взимании налогов, и о "рабских свойствах" и тяжелых условиях жизни русского народа⁴.

Особого внимания англичан удостоились русские женщины. Купец и дипломат Антоний Дженкинсон полагал, что женщины в России находятся в большом послушании у своих мужей, им "строго запрещено выходить из дома, кроме особых случаев"⁵. Флетчер отмечал, что в обращении с женами мужья обнаруживают "варварские свойства, обходясь с ними скорее как со своими прислужницами, нежели равными". Исключение составляли жены дворян, которых, на взгляд англичанина, мужья уважали более, чем "в низшем классе людей". Флетчер осуждал "грубый обычай, противный доброму порядку вещей и самому слову Божию", заключающийся в оставлении нелюбимой жены без средств к существованию, тогда как сам муж "под видом благочестия" предпочитает скрываться в монастыре⁶.

Не лучшим оставалось положение женщин и в XVII веке. Коллинс свидетельствовал: "Русские обходятся с женами жестоко и держат их в строгом повиновении; но прежде они обращались с ними еще бесчеловечнее, нежели теперь". Остановившись на законодательстве, регулирующем брачные отношения, он подчеркивал, что в России нет уголовного закона, который бы преследовал за убийство жены, а потому мужья нередко прибегают к самосуду. "Некоторые мужья привязывают жен за волосы и секут совершенно нагих", - утверждал англичанин. Впрочем, далее он признавал, что подобные "жестокости" теперь случаются редко и их причинами чаще всего служат неверность или пьянство жен. Между тем, продолжали оставаться в силе жестокие наказания женщин за убийство мужа: "Ее зарывают в землю по горло, и таким образом она должна умереть". На взгляд англичанина, в данном случае преступление и наказание "соразмерны"⁷. Н. И. Костомаров отмечал, что подобные наказания за убийство мужа, действительно, имели место в России⁸.

Коллинс не мог не признать того факта, что брачное законодательство со временем становится менее жестоким, а положение замужних женщин улучшается. Этому способствовало отчасти заключение родителей невесты с ее женихом брачного договора - "условия". В соответствии с договором, супруг должен был одевать жену в "приличные платья", кормить "хорошей и здоровой пищей", не допускать рукоприкладства и вообще "обращаться ласково". Подобные условия, на взгляд англичанина, были "несколько сходны" с теми, что существовали в Англии. В случае их нарушения родители невесты могли обратиться в суд⁹. Подобные утверждения Коллинса отличались достоверностью. Костомаров писал, что порой родители невесты заключали письменный договор с зятем, хотя его условия не всегда исполнялись точно¹⁰.

Практически все иностранцы, побывавшие в России, не преминули описать внешний вид русских людей. Англичане не стали исключением. Говоря

о внешнем виде русских мужчин, Флетчер обращал внимание на их высокий рост и полноту, отмечая, что они почитают за красоту "быть толстыми и дородными, и., стараясь отпустить... длинную и окладистую бороду". Женщины, чтобы скрыть "дурной цвет лица, белятся и румянятся так много, что каждый может заметить". Однако, по его мнению, этот обычай нравится мужчинам, и они сами "позволяют своим женам и дочерям покупать белила и румяна для крашения лица и радуются, что из страшных женщин они превращаются в красивые куклы. От краски морщится кожа, и они становятся еще безобразнее, когда ее

смоют"¹¹. Подобные суждения англичан о неумелом использовании косметики русскими женщинами подтверждал Костомаров. По его словам, они "размалевывали" себе шею и руки белой, красной, голубой, коричневой красками, окрашивали ресницы и брови, притом "самым уродливым образом, - чернили светлые, белили черные"¹².

Внешний вид русских женщин разочаровал также и Коллинса. "Красотой женщин считают они (русские) толстоту,.. - отмечал англичанин. - Они чернят свои зубы с тем же намерением, с каким наши женщины носят черные мушки на лице". На взгляд Коллинса, в России почитают красотой "сущее безобразие": любят низкие лбы и продолговатые глаза, для чего крепко стягивают головные уборы. "Маленькие ножки и стройный стан почитаются безобразием... Худощавые женщины почитаются нездоровыми и потому те, которые от природы несклонны к толстоте, предаются всякого рода эпикурейству с намерением растолстеть, лежат целый день в постели, пьют русскую водку (очень способствующую толстоте), потом спят, а потом опять пьют"¹³. Придо также обращал внимание на полноту русских людей. "Русские люди скорее высокого, чем среднего роста, вместе с тем они толсты и сильны"¹⁴.

Мимо внимательного взгляда англичан не прошел внешний вид русских людей, прежде всего, их одежда. Мореплавателю Климент Адаме отмечал, что верхнее платье у русских шерстяное, шапки "конусом вверх" и по их форме "различают состояние людей, чем шапки выше, тем лицо почтеннее"¹⁵. Дженкинсон описывал одежду русских мужчин подробнее. "Русский человек одевается следующим образом, - писал он, - верхняя одежда состоит из парчи, шелка или сукна; она очень длинная, до земли, и застегивается большими серебряными пуговицами или же шелковыми шнурками, застегнутыми булавками; рукава очень длинные... Под верхней одеждой - другое длинное одеяние, застегивающееся на шелковые пуговицы с высоким стоячим цветным воротником; это одеяние шьется узким. Далее идет тонкая рубашка, вышитая красным шелком или золотом, с воротником, вышитым жемчугом. Под рубашкой полотняные штаны, а на ногах пара носков без пяток и сапоги из красной или черной кожи. На голове он носит белый колпак с пуговицами из серебра, золота, жемчуга, или драгоценных камней, а под ним шапку из черной лисицы, сильно расширяющейся кверху"¹⁶.

Судя по всему, английского путешественника заинтересовала одежда богатого человека, скорее всего боярина. Коллинс заметил, что царская одежда аналогична боярской, "только богаче". Царица носит высокий головной убор и верхнее платье с широкими рукавами, "как у английских бакалавров". Все женщины высшего сословия одеваются также, заключал Коллинс¹⁷.

Наиболее подробно на описании мужской и женской одежды остановился Флетчер. "Одежда их сходна с греческой", подчеркивал он. И далее последовательно описывал одежду бояр, дворян и простолюдинов. Бояре на голову надевают небольшую ночную шапочку - тафью, богато вышитую шелком и золотом и украшенную жемчугом и драгоценными камнями. Поверх тафьи надевают большую шапку из черно-бурой лисицы с длинной

тульей. На шею (всегда голую) надевают ожерелье из жемчуга и драгоценных камней, шириной в 3 - 4 пальца. Поверх рубахи, разукрашенной шитьем, надевается зипун, или легкая шелковая одежда, длиной до колен, а затем кафтан, с персидским кушаком, на

котором вешают ножи и ложку. Кафтан шьют из золотой парчи. На кафтан надевают "распашное платье из дорогой шелковой материи, подбитое мехом и обшито золотым галуном", которое называется "ферязью". Встречается и другой вид верхней одежды - охабень, "весьма длинный, с рукавами и воротником, украшенным камнями и жемчугом". Когда боярин выходит из дома, то поверх всей этой одежды, которая, на взгляд англичанина, "очень легка", набрасывает на себя однорядку, сшитую из тонкого сукна. Сапоги бояр сшиты из персидской кожи - сафьяна и вышиты жемчугом. Нижнее платье сделано из золотой парчи. Что касается дворян (боярских детей), то они, по замечанию Флетчера, одеваются точно также, лишь используют другую материю на платье. Однако кафтан и нижнее платье иногда шьются из золотой парчи, прочее - из сукна или шелка.

Флетчер не обошел своим вниманием и женский костюм. "Благородные женщины (называемые женами боярскими) носят на голове тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверх нее шлык, называемый науруз, белого цвета. Сверх этого шлыка надевают шапку... из золотой парчи,.. с богатой меховой опушкой с жемчугом и камнями". Флетчер подметил любопытную деталь: с недавнего времени боярыни перестали расшивать шапки жемчугом, поскольку в том им стали подражать купчихи и жены дьяков. По-видимому, жемчуг в ту пору ценился уже не так дорого, если им могли украшать себя не только боярыни. Богатые женщины, продолжал Флетчер, предпочитают украшать себя золотыми серьгами "в два дюйма и более", с рубинами, сапфирами и другими драгоценными камнями.

Поскольку Флетчер прожил в России несколько лет, то он смог вынести суждения не только о зимней, но и летней одежде русских. Особенно занятной ему представлялась женская одежда. Знатные женщины летом надевают "покрывало из тонкого белого полотна или батиста, завязываемое у подбородка, с двумя длинными висящими кистями. Все покрывало густо унизано дорогим жемчугом". Если женщина выезжает верхом или выходит со двора в дождливую погоду, то надевает белую шляпу с цветными лентами. Ее верхняя одежда состоит из широкого опашня, красного цвета, с пышными и длинными "до земли", рукавами, с застежкой спереди из золотых или серебряных пуговиц, "величиной почти с грецкий орех". Сверху этой одежды пришит "широкий воротник из дорого меха, который висит почти до половины спины". Под опашнем носят летник, "с большими широкими рукавами, коих половина до локтя делается... из золотой парчи", а под ним ферязь земскую, которая "надевается свободно и застегивается до самых ног". Украшения боярынь служат, как правило, красивые "запястья", шириною "пальца в два", из жемчуга и дорогих камней. Их обувь - это сапожки из белой, желтой, голубой и другой цветной кожи, расшитой жемчугом. "Такова парадная одежда знатных женщин в России", - заключал Флетчер¹⁸.

Нарядные и богато украшенные костюмы русской знати, столь непохожие на европейские, привлекали внимание практически всех англичан, посетивших Россию. Что же касается одежды простых людей, то о ней писали немногие. Пожалуй, только у Флетчера и можно найти описание костюма простолюдинов. "Что касается до мужиков и жен их, то они одеваются бедно, - свидетельствовал англичанин, - мужчина ходит в однорядке или широком платье, которое спускается до самых пят и подпоясано кушаком, из грубого белого или синего сукна, с надетой под ним шубой или длинным меховым или овчинным камзолом, в меховой шапке и в сапогах. У мужиков

победнее однорядки из коровьей шкуры. Так одеваются они зимой. Летом обыкновенно не носят они ничего, кроме рубахи на теле и сапог на ногах. Женщина, когда она хочет

нарядиться, надевает красное или синее платье и под ним теплую меховую шубу зимой, а летом только две рубахи,.. одну на другую, и дома, и выходя со двора. На голове носят шапки из какой-нибудь материи, многие также из бархата или золотой парчи, но большей частью повязки". Флетчер обратил внимание на то, что простолюдинки любят украшать себя, как и знатные женщины. "Без серег серебряных или из другого металла и без креста на шее вы не увидите ни одной русской женщины, ни замужней, ни девицы", - заключал англичанин¹⁹.

Стремление богатых людей к нарядам и украшениям сохранилось и в XVII веке. Придо отмечал, что богатые мужчины и женщины любят наряжаться и носить украшения из драгоценных камней, особенно из шотландского жемчуга²⁰.

Не только внешний вид, но и быт русских людей интересовал англичан. Некоторые из них описывали внутреннее убранство "москвитов". К примеру, Адаме обратил внимание на отсутствие постелей, поскольку русские люди "обыкновенно спят" на широких лавках, которые в комнатах прикрепляются к стенам. Печи затапливают с самого утра, что позволяет увеличить или уменьшить "теплоту"²¹. Флетчер подчеркивал, что пища русских "состоит преимущественно из кореньев, лука, чеснока, капусты и подобных растений, производящих дурные соки; они едят их и без всего и с другими кушаньями". Англичанин описывал также процедуру приема пищи, скорее всего, в домах зажиточных горожан. "Стол у них более, нежели странен, - свидетельствовал он. - Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку, или небольшую чашку водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца стола, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя ни о чем говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда... Если наготовлено много разного кушанья, то подают сперва печенья (ибо жареного они употребляют мало), а потом похлебки. Напиваться допьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное", - заключал англичанин. А далее он упоминал о тех напитках, которые употребляли русские люди. Главным напитком являлся мед, а "люди победней пьют воду и жидкий напиток, называемый квасом, который... есть не что иное, как вода, заквашенная с небольшою примесью солода"²².

Судя по свидетельствам англичан, еда русских их мало занимала. С большим интересом они обсуждали "алкогольную" тему и связанные с ней злоупотребления крепкими напитками на Руси. Практически каждый из побывавших в России обращался к данному вопросу. Ченслер, наблюдая обряд масленицы, констатировал: "Думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства". Даже монахи заслужили его нелюбезной характеристики. "Что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного, да и по вымогательствам это самые отвратительные люди под солнцем"²³.

Судя по данным, приведенным Костомаровым, упомянутые англичанами напитки, действительно являлись главными у русских людей. Помимо пива и меда употреблялись водка и виноградные вина. Квас пили все, от царя до крестьянина. Что касается меда, то сваренный с дрожжами и хмелем, он был иногда до того крепок, что "сшибал с ног"²⁴.

В XVII в. пьянство в России продолжало удивлять иностранцев. Коллинс отмечал: "Пьянство почитается самым сильным выражением радости на праздниках, и чем торжественнее день, тем больше неумеренность... Мужчины и женщины не считают за бесчестье шататься на улице". Особенно

злоупотребляют спиртным на масленице, перед Великим постом: "пьют так много, как будто им суждено пить в последний раз на веку своем". Коллинс описывал воздействие крепкого напитка - водки, "четыре раза перегнанной". Некоторые пьют ее до тех пор, "пока рот разгорится и пламя выходит из горла, как из жерла адского, и если им тогда не дадут выпить молока, то они умирают на месте"²⁵. Данное сообщение Коллинса о смертельных последствиях чрезвычайно крепкой водки находит подтверждение в работе Костомарова²⁶.

Алкогольные напитки потреблялись в России не только в царских палатах или в праздничные дни в домах простолюдинов. В ту пору уже существовали и специальные питейные заведения - кабаки, или корчмы. Дженкинсон отмечал: "В каждом значительном городе есть распивочная таверна, называемая корчмой, которую царь иногда отдает на откуп,.. какому-нибудь князю или дворянину в награду за его заслуги". Британцу довелось слышать о мужчинах и женщинах, которые в царском кабаке пропивали "своих детей и все свое добро". Случалось, что люди не могли заплатить за выпитое и потому закладывали сами себя. В таком случае кабатчик выводил должника на дорогу и бил его по ногам. И лишь заступничество состоятельного прохожего, пожалевшего беднягу, могло остановить подобную экзекуцию²⁷.

Информацию о питейных заведениях в Московском государстве сообщал также и Флетчер. "В каждом большом городе устроен кабак или питейный дом, где продается водка,.. мед, пиво и прочее". С этих заведений царь получает оброк, достигающий значительных сумм: от 800 до 3000 руб. в год. В кабаках, "кроме низких и бесчестных средств к увеличению казны, совершаются многие самые низкие преступления, - продолжал англичанин. - Бедный работник и мастеровой часто проматывают все имущество жены и детей своих". Некоторые люди оставляют в кабаках от 20 до 40 руб., "пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят". Флетчер утверждал, что нередко можно увидеть на улицах людей, "которые пропили с себя все и ходят голые (их называют нагими)"²⁸.

Следует отметить, что царское правительство ревниво следило за тем, чтобы монопольное право на торговлю водкой не нарушалось. Об этом упоминал шотландский наемный офицер Патрик Гордон: "Солдаты позволяют себе вольность держать для своих нужд водку и иногда ее продавать. Сие наносит ущерб доходам Его Величества (прибыль от всех крепких напитков, что варят или изготавливают в его государстве, идет в казну). Всем строго запрещено торговать оною в малых долях, а нарушение сего карается крайне сурово. Повсюду согладатаи и сыщики, кои при вести о торговле такими напитками немедленно доносят и сообщают в приказ"²⁹.

Особый интерес иностранцев вызывали неведомые им обряды и обычаи, распространенные в Московском государстве. Наиболее подробно на их описании остановился Флетчер. Одна из глав его книги посвящена брачным обрядам. Автор подчеркивал, что они отличны от подобных обрядов других народов. Так, на Руси жениху не позволяется видеть избранницу во время сватовства. Испросив согласие родителей невесты, без которого брак будет считаться недействительным, отцы "молодых" начинают переговоры по поводу приданого. Приданое, по утверждению Флетчера, "бывает весьма значительно, смотря по состоянию родителей", порой достигая 1000 или более рублей. От жениха не требуется никакого дара за приданое, однако оговаривается, что в случае смерти мужа, супруга возвращается в дом родителей и забирает свое приданое. Если у супругов родятся дети, то по смерти мужа жена

получает третью часть имущества "на прожиток".

стр. 18

Договорившись о приданом и дне свадьбы, родственники невесты обязаны удостоверить жениха и его родителей в ее непорочности. По этому поводу, отмечал Флетчер, "возникают большие ссоры и тяжбы, когда муж возымеет сомнение насчет поведения и честности жены своей". Когда дело улажено, вступающие в брак начинают посылать друг другу подарки, по-прежнему не встречаясь. Накануне свадьбы невесту отвозят в "колымаге или (зимой) в санях в дом жениха, с приданым и кроватью, на которой будут спать молодые". Флетчер обращал внимание на роскошную отделку кровати, которая "стоит больших денег". Хотя невеста со своей матерью и другими родственницами ночуют в доме жениха, молодые по-прежнему не видят друг друга.

И вот, наконец, наступает день свадьбы. На голову невесты накидывают покрывало из тонкого вязанья или полотна, и молодые в сопровождении родственников отправляются в церковь. Причем все едут "верхами", даже если церковь находится вблизи самого дома, а сами молодые "простого звания". Примечательно, что Флетчер усмотрел в церемонии венчания немало общего с английскими обрядами, в частности, произносимые во время бракосочетания слова, обмен молодыми обручальными кольцами и другое. Однако имелись и отличия. К примеру, у русских принято, чтобы после свершения священником "брачного узла", невеста подходила к жениху и падала ему в ноги, "прикасаясь головой к его обуви, в знак ее покорности и послушания, а жених накрывает ее полой кафтана, или верхней одежды, в знак обязанности своей защищать и любить ее".

Флетчер был удивлен тем, что после возвращения из церкви молодожены вновь расходились каждый по своим домам, где угощали родственников. При входе в дом жениха и невесты на них бросали из окон зерно - "в знак будущего изобилия и плодородности". И только вечером невесту привозили в дом жениха, где она и проводила ночь, по-прежнему не снимая покрывала с головы. Примечательным, на взгляд Флетчера, было то, что невеста и в брачную ночь, и в последующие три дня должна была оставаться молчаливой, обмениваясь с женихом лишь несколькими словами, при этом соблюдая "особенную важность и почтительность". "Если она держит себя иначе, то это считается для нее весьма предосудительным и остается пятном на всю ее жизнь, да и самим женихом вовсе не будет одобрено", - констатировал Флетчер³⁰. Завершалась свадьба по прошествии трех дней общим пиром для всех родственников жениха и невесты.

По-видимому, с течением времени брачный обряд не претерпел серьезных изменений. Во всяком случае, и в XVII в., как отмечал Коллинс, вступающие в брак "не смели противиться выбору родителей" (данный закон был отменен только Петром I. - *Т. Л.*), жених впервые видел свою невесту, во избежание "будущих несогласий", только после свадьбы. Сохранилась и процедура добрачного освидетельства невесты, "совершенно нагой", на предмет выявления у нее каких-либо изъянов. В случае обнаружения у невесты "малейшей болезни", ей предлагалось вылечиться до свадьбы³¹.

Не меньший интерес вызывали у англичан обряды православной церкви. Флетчер подчеркивал, что церковных обрядов у русских очень много. Его удивляла привычка русских людей осенять себя крестным знаменем по разным поводам: во время молитвы перед иконой, предваряя трапезу, входя в чей-нибудь дом или приступая к какому-либо делу. На взгляд

англичанина, русские люди "служат Богу крестным знаменем... вследствие невежественного и пустого обычая, нисколько не понимая, что значит крест Христов и сила этого креста". Он детально описывал обряды Крещения, Вербного воскресенья, посты и многое другое, что было связано с православной религией. С торжеством и пышностью, в присутствии царя происходило освящение

стр. 19

воды во всех реках на Крещенье. Нарядно одетые священнослужители возглавляли процессию, которая растягивалась на целую милю и более. Пришедшие к реке делали большую прорубь во льду, патриарх читал молитвы, "заклиная дьявола выйти из воды", а затем бросал в нее соль, окуривал ладаном, таким путем освящая всю воду в реке. По окончании церемонии городские обыватели с ведрами и ушатами торопились зачерпнуть освященной воды. Некоторые женщины погружали детей с головой в воду, а многие, наравне с мужчинами, "кто нагой, кто в платье", бросались в воду. Все это происходило зимой, когда "можно отморозить палец, опустив его в воду"³². В Вербное воскресенье патриарх проезжает по Москве верхом на лошади, которую ведет под уздцы царь. Народ при этом взывает: "Осанна!" и бросает под ноги лошади свое верхнее платье. Патриарх платит царю за хорошую службу дань в 200 рублей. Обращаясь к постам (по средам и пятницам каждую неделю и четыре больших поста в году), Флетчер подчеркнул, что все они строго соблюдаются "не по какому-либо предписанию, а по одному суеверию". В первую неделю Великого поста православные ничего не употребляют в пищу, кроме хлеба и соли, пьют одну воду, не занимаются никакими делами. Во время Великой всенощной прихожане находятся в церкви с 9 часов вечера до 6 часов утра, все время стоя на ногах и отбивая перед образами поклоны, коих Флетчер насчитал до 170³³.

Внимание англичан привлекла необычная, на их взгляд, процедура похорон. Трудно сказать, довелось ли Флетчеру лично увидеть, как происходят похороны, или он позаимствовал описание данного обряда у Турбервилля, но рассказы обоих оказались схожими. "В зимнее время, - повествовал Флетчер, - когда все бывает покрыто снегом и земля так замерзает, что нельзя действовать ни заступом, ни ломом, они не хоронят покойников". Вместо этого тела умерших складывают друг на друга, "как дрова в лесу", и от мороза они становятся, подобно камню. С наступлением весны, когда лед растает, "всякий берет своего покойника и предаст его тело земле"³⁴.

Обряд похорон у русских Флетчер дополнял сведениями о поминках по усопшим. Он также характеризовал обычай класть в руки покойника письмо к св. Николаю, которого православные почитают своим главным "заступником и стражем врат Царствия Небесного", как "суеверный и языческий" обряд.

Завершая повествование об обрядах русских, Флетчер констатировал: "Из всего этого можно судить, как далеко отстали они от истинного познания и исполнения обязанностей христианской религии, променяв Слово Божие на свои пустые предания и превратив все во внешние и смешные обряды без всякого уважения к духу и истине, которых требует Бог от настоящего ему поклонения"³⁵. Подобные высказывания вряд ли вызовут удивление, если вспомнить, что их автор принадлежал к иной, протестантской, вере, а противоречия между конфессиями отличались в ту пору откровенным антагонизмом.

Англичане, побывавшие в России, удостоили вниманием развлечения русских людей. Царя,

как писал Флетчер, веселили шуты и "карлы мужского и женского пола", которые кувыркались перед ним и пели песни. По мнению англичанина, это была самая любимая забава царя Федора Иоановича "между обедом и ужином". Другая предпочтительная "потеха" государя - наблюдать за боем с дикими медведями. "В круг, обнесенный стеной, ставят человека, который должен возиться с медведем, как умеет, потому что бежать некуда, - описывал представление Флетчер. - Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверстой пастью". Если человек подпустит к себе медведя, то ему угрожает опасность, а если успеет всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами, что чаще всего и происхо-

стр. 20

дит, то сшибает зверя с одного раза. "Но часто случается, - продолжал Флетчер, - что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части". Если же охотник выдержит бой с медведем, то его ждет вознаграждение: победителя ведут к царскому погребу, "где он напивается допьяна в честь государя". В этом заключается "вся его награда за то, что он жертвовал жизнью для потехи царской" - с долей сарказма заключал Флетчер³⁶.

О царских развлечениях писал и Коллинс. Он отмечал, что царь Алексей Михайлович любил соколиную и псовую охоту, для чего содержал более 300 зрителей за соколами. Охотился царь, "или лучше сказать, травил их собаками", на медведей, волков, тигров, лисиц. В XVII в. распространенной в России становится игра в карты, о чем упоминал Гордон³⁷.

Справедливости ради заметим, что единственный среди британцев, посетивших Россию, кто обратил внимание на культурную жизнь страны, был Коллинс. Он писал, что у русских есть "музыкальные школы, где воспитывают детей очень тщательно и строго. Ноты их очень странные и заимствованы, вероятно, от греков или славян... Русские употребляют волынки и небольшие гудки, сходные несколько с лютнею"³⁸.

Англичане нередко писали о характерных чертах, присущих русскому народу. На взгляд Ченслера, русские "по природе очень склонны к обману, сдерживают их только сильные побои". Дженкинсон уверял, что от русских людей "мало помощи", а в малонаселенных районах, ее можно получить только в городах³⁹. Флетчер, отмечая, что народ России "предается лени и пьянству", в то же время подметил такие качества простолюдинов, как способность к искусствам и природный здравый разум. Между тем, справедливо подчеркнул англичанин, народу не дают возможности развивать способности, в особенности в части наук, ремесел, литературы для того, чтобы "легче было удержать их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся"⁴⁰.

Попытки объективно взглянуть на характер русских людей, предпринятые Флетчером, тонули в общем потоке негативных оценок его соотечественников. Например, британский дипломат Дж. Горсей полагал, что русский народ по природе своей "дик и злобен", а потому оправдано "суровое управление" и "тяжелая рука" царя Ивана Грозного, который постоянно сталкивался с заговорами и изменой, направленными против него⁴¹.

Оценки англичан русских людей мало изменились в XVII веке. На взгляд посланника Придо, иностранцы, имевшие дело с русскими, считали их вкрадчивыми и ловкими, но очень малодушными. Коллинс также был невысокого мнения о русских людях. "Русский народ

очень недоверчив и подозревает всех иностранцев, которые расспрашивают о политике, или религии, - писал англичанин. - Он совершенно предан невежеству, не имеет никакой образованности ни в гражданских, ни в церковных делах. И видя в науках чудовище, боится их как огня". Русские редко держат слово, продолжал Коллинс. Особенно резко он отзывался о богатых купцах: "Нажив себе огромное состояние разорением бедных и ограбив иностранцев, они думают, что загладят злые дела, если построят церковь и снабдят ее множеством дорогих икон и колоколами; это кажется им богоугодным делом, и, действительно, было бы таковым, если бы совершено во славу Божию, а не из своекорыстия или тщеславия". И далее автор приходил к нелицеприятному заключению: "В целом мире нет таких негодяев!" Впрочем, он признавал, что и "между ними много добрых людей", к которым он причислял тех, кто "расширил понятия свои разговором с иностранцами". Завершая свой трактат, придворный лекарь расхваливал царя Алексея Михайловича, одновременно осуждая его

стр. 21

подданных, полагая, что они "лукавы, не держат мирных договоров, хитры, алчны, как волки, и с тех пор, как начали вести торговлю с голландцами, еще больше усовершенствовались в коварстве и обманах"⁴².

Примечательно, что даже русская музыка вызывала неприятие английского лекаря. Военная музыка русских состоит "из барабанов (глухие звуки которых очень соответствуют мрачному характеру русских), и из труб, которые, вероятно, недавно вошли в употребление, потому что русские играют на них хуже, нежели наши пастухи свинных стад на своих рогах" - писал Коллинс. А далее он продолжал: "На охоте употребляют они медные рога, из которых исходят звуки очень громкие и неприятные". Англичанин не скрывал раздражения, описывая впечатление от музыки, услышанной им, с сарказмом заключая: "Одним словом, если хотите угостить русского музыкой, то возьмите пару... голодных волков, семь свиней, столько же кошек с супругами, и заставьте всех их петь; этот концерт восхитит русского больше, нежели вся итальянская музыка, все легкие французские арии, английские марши, или шотландские джиги. Они (русские) не любят пляски и думают, что она унизительна для их важности... Пляски их так грубы"⁴³.

В довольно резкой форме о русских людях отзывался и Гордон. Едва поступив на государеву службу, он убедился в том, что на иноземцев в России смотрят "как на сборище наемников; ...что не стоит ожидать никаких почестей или повышений в чине, кроме военных, да и то в ограниченной мере, а в достижении оных более пригодны добрые посредники и посредницы, либо деньги и взятки, нежели личные заслуги и достоинства; что низкая душа под нарядной одеждой... здесь так же обыкновенны, как притворная или раскрашенная личина; что с туземцами нет супружества; что вельможи взирают на иностранцев едва ли как на христиан, а плебеи - как на сущих язычников; что нет индигената без отречения от былой веры и принятия здешней; что люди угрюмы, алчны, скаредны, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны, когда имеют власть, под властью же - смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов"⁴⁴.

Трудно себе представить еще худшие обвинения в адрес народа, на военную службу к которому в качестве наемника прибыл шотландец. Нам кажется, что подобное очернение русских людей было вызвано, скорее всего, неудачными попытками Гордона разбогатеть в России, на что он так надеялся, поступая на государеву службу. Однако "скудная плата в низкой медной монете", а также "подлая и подозрительная натура" отдельных бояр повергли

офицера в уныние и разочарование⁴⁵. Вследствие этого, вероятно, у него и стали складываться столь нелюбимые впечатления о русском народе в целом.

Как видно, при характеристике русских людей, их нравов и обычаев англичане нередко проявляли враждебный тон. Чаще всего это происходило в силу субъективных причин, из-за неудач, постигших британцев в их предприятиях в России (как в случае с Турбервиллем и Гордоном). Но не только. Иностранцы не могли дать верного объяснения многих явлений русской жизни или объективно оценить их в силу недостаточного знания языка, истории, религии, уклада жизни и обычаев народа. И если "внешние явления", как подчеркивал В. О. Ключевский, "наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона" с наибольшей полнотой и достоверностью описывались иностранцами, то известия о нравственном состоянии общества страдали субъективностью. Беглые наблюдения отдельных, порой случайных явлений, сделанные в короткое время, не позволяли иностранцу составить верное и полное представление о многих сторонах жизни русских людей. "Оттого ино-

стр. 22

странные известия о нравственном состоянии русского общества очень отрывочны и бедны положительными указаниями, так что по ним невозможно составить сколько-нибудь цельный очерк ни одной из сторон нравственной жизни описываемого ими общества, зато в этих известиях дано слишком много места личным, произвольным мнениям и взглядам самих писателей, часто бросающим ложный свет на описываемые явления"⁴⁶. Чаще всего подобное непонимание образа жизни русского народа, его "непохожести" на европейцев, приводило иностранцев к убеждению о его "варварстве".

Впервые образ "русского варварства" сформировался в Западной Европе в XVI-XVII вв., во многом на сочинениях немецких писателей С. Герберштейна, А. Олеария, М. Мейерберга, И. Корба. Этот образ включал в себя стереотипные представления немцев о русском народе. Главными в этом образе были, как утверждал Е. В. Ермасов, характер государственного правления ("русская деспотия", опасная своими агрессивными планами для Европы), православная религия, заметно отличная от католической и протестантской конфессий; необразованность русского народа, обычаи и особенности национального характера (склонность к пьянству, воровству). В целом русский народ рассматривался иностранцами, как "варварский, достойный жить в рабстве". И подобный стереотип продолжал сохраняться в глазах европейцев в последующие столетия⁴⁷.

Англичане в этом следовали примеру немцев. В их оценках русский народ также являлся "варварским". Но так ли это было на самом деле? В какой мере представления британцев о характере русского народа и его культуре были достоверными и соответствовали действительности? Читая сочинения британцев о России, убеждаемся, что их авторы вообще недостаточно внимания уделяли культуре русского народа. Практически никто не затронул вопросов грамотности, образования, литературы средневековой России. Делалось ли это сознательно, чтобы подтвердить сложившийся стереотип о "варварском народе", или русская культура была на таком низком уровне, что не заслуживала даже упоминания? Между тем, по утверждению Н. В. Сеницыной, конец XV - середина XVI в. - это время "значительного культурного подъема", который проявлялся в полемике по вопросам социального, политического, духовного, культурного развития страны и в возникновении книгопечатания⁴⁸. По признанию британского ученого М. Андерсона, русский народ имел в XVI-XVII вв. национальную культуру, которая находилась на довольно высоком уровне,

хотя многие англичане верили в то, что в России вплоть до воцарения Екатерины II не существовало даже книгопечатания⁴⁹. А. А. Преображенский, подводя итоги анализа состояния культуры допетровской России, заключал: "Общее направление развития русской культуры изучаемого времени не осталось незамеченным для наиболее вдумчивых и наблюдательных иностранцев, не склонных только в уничижительном плане отзываться о нашей стране в XVII столетии"⁵⁰. Таким образом, становится очевидным, что представления англичан о допетровской России как о "варварской" и "нецивилизованной" были далеки от истины. Но только ли недостаточной информированностью британцев о России объяснялось подобное восприятие нашей страны? Н. Я. Данилевский по этому поводу писал: "Еще в моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России... Европа не знает, потому что не хочет знать"⁵¹.

Однако "невежество" британцев, на наш взгляд, не всегда можно объяснить только субъективными причинами: краткостью визита, незнанием языка и другим. Ведь все, что касалось материальной культуры (градостроение, деревянное и каменное зодчество), описания климатических и природных условий, занятий населения, а также государственного устройства Российской-

стр. 23

кого государства чаще всего носило объективный характер. И потому утверждение М. А. Алпатова о том, что Флетчер создал "пасквиль о России"⁵², вызывает сомнение. На наш взгляд, именно Флетчер представил наиболее объективную и достоверную картину русского государства во второй половине XVI века. Однако по какой-то причине мимо наблюдательного взгляда англичанина незаметно прошла духовная культура русского народа. С аналогичным явлением столкнемся, обратившись к трудам других британцев, писавших о России. Нам представляется, что это происходило далеко не случайно. По-видимому, англичанам, в ту пору активно занимавшимся колониальными завоеваниями, было выгодно представить народ России "варварами", а ее правителей "азиатскими деспотами" для того, чтобы противопоставить их "цивилизованным" европейцам. Богатая природными ресурсами Россия с "варварским народом" вполне подходила на роль нуждающейся в руководстве и опеке, читай - колонизации, со стороны "цивилизаторов". Об этом откровенно высказался тот же Флетчер: "Безнадежное состояние вещей внутри государства (России) заставляет народ, большею частью желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжелого ига такого тиранского правления"⁵³. Заметим, что аналогичные "пожелания" оккупации своей страны будто бы высказывал русский народ в период Смуты, когда в Англии в 1612 г. уже полным ходом шла подготовка к вторжению и колонизации Русского Севера.

Следовательно, растиражированный стереотип о "варварском" характере русского народа британцами, на наш взгляд, являлся всего лишь удобным идеологическим прикрытием для колонизаторской политики британских завоевателей. Не удивительно, что он продолжал сохраняться в общественном мнении европейцев (и не только англичан) и в последующие столетия. Русофобские настроения на Западе возвращались властями преднамеренно, и пример британцев, побывавших в допетровской России, это ярко демонстрирует.

Примечания

1. ЧЕНСЛЕР Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском... В кн.:

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. 1938, с. 64.

2. КОЛЛИНС С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. В кн.: Иностранцы о древней Москве (Москва XV-XVII веков). М. 1991, с. 5.

3. ФЛЕТЧЕР Дж. О государстве Русском. М. 2002, с. 73 - 75.

4. АРХАНГЕЛЬСКИЙ С. И. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой. - Исторические записки АН СССР. М. 1939, N 5, с. 127 - 128.

5. ДЖЕНКИНСОН А. Путешествие из Лондона в Москву. В кн.: Иностранцы о древней Москве, с. 46.

6. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 146.

7. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 11 - 12.

8. КОСТОМАРОВ Н. И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М. 1992, с. 203.

9. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 3 - 4.

10. КОСТОМАРОВ Н. И. Ук. соч., с. 202.

11. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 158 - 159.

12. КОСТОМАРОВ Н. И. Ук. соч., с. 177.

13. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 21 - 22.

14. Цит. по: АРХАНГЕЛЬСКИЙ С. И. Ук. соч., с. 127.

15. АДАМС К. Английское путешествие к москвитам. В кн.: Иностранцы о древней Москве, с. 42.

16. ДЖЕНКИНСОН А. Ук. соч., с. 46 - 47.

17. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 20.

стр. 24

18. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 159 - 161.

19. Там же, с. 161 - 162.
20. АРХАНГЕЛЬСКИЙ С. И. Ук. соч., с. 127 - 128.
21. АДАМС К. Ук. соч., с. 42.
22. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 158.
23. ЧЕНСЛЕР Р. Ук. соч., с. 65 - 66.
24. КОСТОМАРОВ Н. И. Ук. соч., с. 187 - 189.
25. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 7 - 8.
26. КОСТОМАРОВ Н. И. Ук. соч., с. 189.
27. ДЖЕНКИНСОН А. Ук. соч., с. 46.
28. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 71.
29. ГОРДОН П. С. Дневник. 1659 - 1667. М. 2002, с. 108.
30. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 143 - 145.
31. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 12.
32. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 147 - 149.
33. Там же, с. 149 - 150.
34. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 150.
35. Там же, с. 150 - 151.
36. Там же, с. 154 - 155.
37. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 17; ГОРДОН П. Ук. соч., с. 109.
38. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 17, 10.
39. ЧЕНСЛЕР Р. Ук. соч., с. 64; ДЖЕНКИНСОН А. Ук. соч., с. 76.
40. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 75 - 76.

41. ГОРСЕЙ Дж. Записки о России XVI - начале XVII в. М. 1990, с. 90.
42. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 1, 28, 30, 38.
43. Там же, с. 10 - 11.
44. ГОРДОН П. Ук. соч., с. 106.
45. Там же, с. 106 - 107.
46. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1991, с. 8.
47. ЕРМАСОВ Е. В. Образ "русского варварства" в сочинениях немецких публицистов XVI - первой половины XVIII в. В кн.: Европейское Просвещение и цивилизация России. М. 2004, с. 17 - 18, 27.
48. СИНИЦЫНА Н. В. Русская культура. В кн.: История Европы. Т. III. М. 1993, с. 555.
49. ANDERSON M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553 - 1815. Lnd. 1958, p. 87 - 91.
50. История Европы. Т. IV, с. 235.
51. ДАНИЛЕВСКИЙ Н. Я. Россия и Европа. Изд. 6-е. СПб. 1995, с. 40.
52. АЛПАТОВ М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. М. 1973, с. 299.
53. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 59.